

СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: В ПОИСКАХ КОНЦЕПЦИИ

Современная практика рассмотрения уголовных дел судами, впрочем, как и любая иная судебная практика, – часто загадочная очевидность. Были времена (1917–1991 гг.), когда «советская» уголовная политика была «проста, как правда»: преступность, границы которой четко определялись ЦК КПСС, выжигалась из числа дурных привычек и прочих атавизмов общества каленым железом уголовной репрессии. Не гнушались строители «светлого будущего» и рабским трудом заключенных. Время доказало: данная политика – тупик, на смену «встречным планам» по ликвидации преступности и социалистическому соревнованию в местах лишения свободы пришел хозрасчет, который вмиг перевел некогда эффективный ГУЛАГ в состояние банкротства. Казалось бы, все: социально-экономическая революция требует смены парадигм правового мышления. Однако в силу крайне низкого базового уровня развития российской юридической науки фазовый переход в разумное будущее пока не произошел. Адепты традиционного советского уголовного права и уголовного процесса продолжают выработать концепции и дорожные карты уголовной политики, в которых нет ничего нового. Вниманию читателя предлагаются авторская критика некоторых последних научных изысканий в области уголовной политики и критический анализ новейшей судебной практики.

В настоящий момент уголовную политику в России определяют лица, получившие первые социальные знания в 60-е гг. прошлого века. Тогда к числу беспорных перспектив относился тезис: коммунизм в основном будет построен к 1980 г. Иными словами, ожидалось скорое вступление нашего общества в состояние, характеризующееся полным отсутствием конфликтных ситуаций. Презюмировалось: все, включая проблемы, обусловленные наличием преступности, разрешится само собой, как по мановению волшебной палочки.

В учебниках для вузов в советский период было записано: «Рост материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности трудящихся создает все условия, чтобы искоренить преступность, в конечном итоге заменить меры уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания. В условиях социализма каждый выбившийся из трудовой колеи человек может вернуться к полезной деятельности» [1, с. 9].

Сомнений в том, что преступность обязательно будет побеждена, изжита, на официальном уровне не высказывалось вплоть до краха СССР (1991).

В наши дни схоластики в вузовских программах поубавилось. Тем не менее мечта о светлом будущем – без преступности – жива. В этом нет ничего удивительного, ибо живы вчерашние адепты идей коммунизма. Их наличие в научной и государственной жизни способствует тиражированию концепций уголовной политики а-ля Третья программа КПСС.

Преступность не исчезла, не исчезнет, поскольку она – обязательный спутник нашей жизни. На эту тему мы уже неоднократно писали. Универсальной концепции уголовной политики на текущий момент не выработано ни в одной стране мира. Отдельные программы, например «нулевой терпимости» к преступным проявлениям, «третье наказание – последнее», есть, а вот универсальной концепции нет. В этом нет ничего удивительного, поскольку обществу неведома общая концепция его развития, крохотной частью которой является политика уголовная. Можно ли серьезно рассуждать о том, какой вал преступности ждет нас завтра, если про это завтра мы точно ничего не знаем?

Впрочем, уголовная статистика констатирует: «завтра будет как вчера». Как правило, не особенно хуже, но и совсем не обязательно лучше. Эта непознанная по своей природе константа в значительной степени стабилизирует тактику государственных органов, специализирующихся на борьбе с преступниками.

Те футурологи, которые предсказывали скорейшее переселение человечества в «город солнца» (рай, коммунизм), просчитались, ибо, увлекшись описанием светлого будущего, забыли о главном – природе человека, которому многое не чуждо, в том числе поведение: как восточное (без жертвы нет правонарушителя), так и преступное.

Понятно и заикливание представителей европейской цивилизации (адепты коммунизма в их числе) на радужных перспективах развития нашего общества, поскольку такова идеологическая база этой цивилизации – христианство. Для каждого, пусть и подсознательно, рай – желателен, а вот в ад (тюрьму) попадать не хочется.

Развитие «коммунистических» идей противостояния преступности уперлось в честный концепт позднего академика В.Н. Кудрявцева: «Многие полезные и, вероятно, эффективные меры борьбы с преступностью, предлагаемые правоохранительными органами или общественностью, не могут быть приняты и реализованы, ибо есть более важные национальные интересы» [4, с. 50]. Сказанное великим мэтром позволяет подкрепить наше суждение о том, что преступность предопределена

природой человека, весьма актуальным тезисом: борьба с нею – дело далеко не самое важное. В результате этого мы имеем: недовольный уровнем преступности социум брюзжит, государственный аппарат обещает побороть преступность.

Сожаление об отсутствии «привычной» уголовной политики слышится практически на каждой научной конференции. «Сожалуют» доктора наук, заведующие кафедрами. Им, видите ли, что-то не ясно в объективном мире, они истосковались по пророкам уровня К. Маркса, В.И. Ленина и И.В. Сталина.

Если у общества нет ясности по большинству вопросов общих, то почему у него, в том числе у судов, вдруг должна появиться ясность по вопросам частным, таким, например, как уголовная политика, а если еще конкретнее – практика рассмотрения уголовных дел судами. Впрочем, уголовная политика – обязательный элемент государственной политики. Возможно ли в принципе такое, что у нас вообще нет политической концепции?

Понятие «политика» в классическом варианте трактуется как создание, сохранение наиболее общих правил общежития. Выводится эта категория из противопоставления таких неотъемлемых характеристик любого общества, как конфликт и сотрудничество. В основе конфликта – движущей силы развития – природное соперничество. А чтобы оно не погубило общество, последним изобретено сотрудничество.

История неоспоримо свидетельствует: что бы люди ни сделали «хорошего», они обязательно в будущем об этом пожалеют, ибо незаметно для себя породят очередной конфликт. Даже самое благое начинание – почва будущего конфликта.

Совершенные УК и УПК – голубая мечта общества. Это утопия, глядящая в зеркало, в котором, как ни стать, левое всегда будет правым, а правое – левым. УК и УПК – негатив парадного портрета [3, с. 3–13].

Любая судебная практика предопределена матушкой-природой. В политике от человека зависит немного, если действительно что-то принципиальное зависит.

Впрочем, политику воспринимают еще и как искусство государственного управления, т. е. люди якобы знают четкую границу между преступным и не преступным. Эти люди себе очень сильно льстят. Конечно, от определенных личностей, их «команд», элит в целом, представляемых ими классов порой зависит многое. Так, по крайней мере, на первый взгляд кажется людям, или им хочется в это верить.

Отсутствие ясного видения долгосрочных и среднесрочных перспектив развития не исключает наличия политики текущего дня. А.И. Кли-

менко (ныне доктор юридических наук), защищая свою первую, кандидатскую, диссертацию в совете при Московском университете МВД РФ, свои рассуждения начал с очень смелого утверждения, что «каждому государству присуща идеологическая функция, которую оно осуществляет как явно, так и скрыто» [4, с. 9–10].

Диссертант выделил две модели осуществления идеологической функции государства: идеократическую и манипулятивную. Первую модель он характеризовал опорой на открытую форму использования методов осуществления идеологической функции государства, а вторую – размытой, нечетко артикулированной (либо вообще официально не признаваемой) государственной идеологией и опорой на скрытую форму использования методов осуществления идеологической функции государства [4, с. 9–10].

Поклонникам писателей И. Ильфа и Е. Петрова, читавшим книгу «Двенадцать стульев», очень хорошо знакомо высказывание такого персонажа, как Паниковский, который, осознав всю безнадежность дела (зря Балаганов гири пилит), боится в этом признаться, поэтому, желая отсрочить момент неминуемой расправы, как заклинание повторяет: «Пилите, Шура, пилите». В уголовном процессе это выглядит так: жертвы – всегда пишите заявления, преступников найдем; оперативники – найдите всех преступников, если сможете, конечно. Ну, а суды? От вас ждем восстановления социальной справедливости (ч. 2 ст. 43 УК РФ). При этом какого социума справедливость ожидается, не уточняется.

Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета А.И. Александров констатирует: «нельзя говорить о кодексах без концепции» [4, с. 9–10]. Трудно с этим спорить, надо сначала, как в анекдоте, определиться: мост будем строить вдоль реки или поперек? Да и нужен ли в конечном итоге этот мост?

Если ранее суды работали под лозунгом идеалистов-романтиков «Преступность будет искоренена!», то теперь, нравственно возмужав, хотя трудимся так же честно, как и раньше, уже исходим из того, что «нет основания ни удивляться, ни тем более возмущаться существованием в стране преступности и преступников, коль скоро сам образ жизни людей, призванный обеспечивать социальные институты цивилизованного общества, не соответствует провозглашенным идеалам» [2, с. 10]. Не будем также забывать, что преступность – это не что иное, как «массовое решение людьми своих проблем с нарушением уголовного запрета» [5, с. 179]. Истории известны времена, когда преступным промыслом за-

нималось подавляющее большинство населения, проживающее на определенной территории. Поэтому стремление к идеальному по каждому делу нам гарантирует не более, чем оптимальный результат в целом.

Когда ректора Санкт-Петербургского государственного университета (специалиста в области уголовного права) профессора Н.М. Кропачева спросили, каковым ему видится направление дальнейшего развития российского уголовного законодательства, то он честно ответил: в России «отсутствует концепция уголовно-правовой политики» [6, с. 10]. Выше мы уже доказали, что политика все же есть, а вместе с нею судебная практика, пусть и манипулятивная.

Скажем больше, при отсутствии концепции устойчивого развития, ясной теории согласия и конфликта, теории равновесия, теории катастроф и теории экономических циклов многие [7] сознательно уклоняются от построения идеальных моделей юстиции, поскольку разделяют убеждение С.П. Капицы о том, что при «стремительном развитии все время увеличиваются социальные и экономические градиенты, поскольку нет времени на установление равновесия» [8, с. 95].

Чего же тогда не хватает в судебной практике? На текущий момент времени нет определенности даже по самым элементарным вопросам. В частности, нет четкого ответа на главный вопрос: как уголовный запрет и уголовное судопроизводство в реальной жизни соотносятся с прочими нормами, касающимися правонарушений, и процедурами, связанными с назначением наказания?

Правонарушения по старинке делятся у нас на уголовные и административные. Множится число тех, кто двухступенчатую иерархию пытается усложнить, втиснуть между преступлением и административным правонарушением еще и уголовный проступок, которому Пленум Верховного Суда РФ уже и место нашел в УК РФ.

Время покажет, что именно будет. Появиться же может все что угодно. Например, вопреки всем ранее существовавшим учениям появился «судебный штраф» (ст. 104.4 УК РФ). Теперь он реально применяется судами наряду с «просто штрафом» (ст. 46 УК РФ), назначаемым теми же судами по правилам УК РФ и УПК РФ, и «административным штрафом» (ст. 3.5 КоАП РФ).

Новое общее правило. Лицо, в отношении которого назначено уже не уголовное наказание, а просто какое-то там денежное взыскание – судебный штраф¹, одновременно освобождается от уголовной ответственности,

¹ Напомним: классический штраф согласно УК РФ – тоже денежное взыскание (ч. 1 ст. 48 УК РФ), как и штраф судебный (ст. 104.4 УК РФ), назначается в соответствии с требованиями УК РФ.

т. е. с этого момента оно уже – не преступник. Если такое лицо вовремя заплатит штраф, то оно так и останется персоной, выпавшей из традиционной классификации виновных в совершении правонарушений.

Исключение из общего правила. Если же штраф уплачен не будет, то виновная персона автоматически возвращается в число преступников. Витиевато, насколько научно – судить читателю.

Как видим, наличие клейма «преступник» законодатель связывает не только с криминальным, но и посткриминальным поведением виновного. «Достал» деньги на штраф – клейма «судимый» ставить не будем, не нашел денег – клеймим на всю оставшуюся жизнь! Такой уголовно-правовой расклад полностью опрокидывает базу рассуждений периода социализма, которому было свойственно равенство всех в бедности. Денег у людей не было (не должно было быть), преступление отрабатывали натурой – «на лесоповале» и прочих великих стройках коммунизма.

1917 год, к власти пришли «люди труда». Приняв на вооружение разработанное капиталистами учение о массовом ограничении потребностей, дисциплине и трудотерапии, они поспешили «железной рукой» загнать всех «несознательных» в «светлое будущее». Насилие – повивальная бабка истории, ликвидация даже целых классов населения гарантирует наступление рая на земле (коммунизма), жителям которого грех (преступность) будет априори неведом.

Прерогативы современного государства в посткриминальной ситуации, когда преступление совершено, права потерпевших попораны, весьма скромны. Оно может виновного: «уничтожить» – казнить; «пленить» – лишить на время, пусть даже пожизненно, свободы; «наказать рублем» – приговорить к штрафу в пользу казны; «заставить работать».

Смертная казнь, точнее расправа с телом, может существовать и в скрытых формах. Опасных преступников можно уничтожить в момент задержания. Криминологии известны также: «эскадроны смерти»; поручение «хорошим преступникам» умертвлять «плохих преступников». Например, в 2003 г. некие не поддающиеся персональному определению «правоохранительные органы» поручили «хорошему преступнику» Д. умертвить вора в законе Маковоза. Правда, покушение не удалось. Маковоз сделал все, чтобы организатор преступления и нанятые им киллеры (стрелки) оказались на скамье подсудимых. Однако «система правоохраны» в лице заместителя Генерального прокурора РФ С.Г. Кехлерова «своего Д.» в беде не оставила, отстояв на Президиуме Верховного Суда РФ право последнего на применение в отношении его ст. 64 (наказание ниже низшего предела) и 73 УК РФ. В результате Д. получил условное наказание, если точнее, то остался вообще без наказания. Что касается нанятых им стрелков, то те были наказаны реально: промахну-

лись, позволили себя изобличить. Есть ученые, который такие радикальные методы борьбы с отдельными преступниками безнравственными не считают, да и Президент РФ также думает, что террористы, оказывающие сопротивление, должны уничтожаться на месте.

Дух – бессмертен! Люди уничтожены, пепел их развеян, а память о них у народов жива! Многие из казненных получают ореол мучеников, а то и героев, их имена канонизируют!

Осужденные к лишению свободы на определенный срок рано или поздно колонию покинут, треть из них вновь совершит преступления, в том числе убийства. Не будем забывать: карьеру делают не только на свободе, но и в тюрьме. Тюремное население и, скажем так, «большое общество» суть сообщающиеся сосуды.

Две трети отбывших наказание рецидива избегут, выберут иной жизненный путь, будут среди них о помудревшие. Тюрьма – университет для многих.

Конфуцию приписывают слова: «В темной комнате нельзя найти черную кошку, если ее там нет». Штраф, не обеспеченный активами осужденного, – величина, стремящаяся к нулю, обсуждать перспективы его взыскания бессмысленно.

Может быть, заставить преступников работать? Приверженцы данной доисторической идеи забыли курс истории за 5-й класс: рабский труд непроизводителен. Современная элита в обществе сравнительного изобилия не в состоянии обеспечить рабочими местами свободных и добровольно желающих трудиться.

17 февраля 2016 г. Папа Римский, выступая в Мексике, констатировал: «Мы потеряли несколько десятилетий в надежде, что удастся спрятаться за тюремными стенами». Как видим, современное общество о нравственности наказания «уже не бредит», оно – «страус, прячущий голову в песок».

1. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1962.
2. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003.
3. Хейвуд Э. Политология. М., 2005.
4. Клименко А.И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Моск. ун-т МВД России. М., 2005.
5. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. М., 2003.
6. Кропачев Н.М. Юридическое образование в России сегодня нельзя назвать универсальным, однотипным и единым // Закон. 2014. № 1.
7. Алексеевская Е.И. Законы развития судебной системы. М., 2016.
8. Капица С. Парадоксы роста. Законы развития человечества. М., 2010.

А.В. Колюк

О ПРАКТИКЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

С 1 января 2012 г. в Республике Беларусь действует Следственный комитет, объединивший следственные аппараты прокуратуры, органов внутренних дел, Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь.

Образование Следственного комитета неизбежно повлекло необходимость внесения изменений в действующее законодательство, прежде всего в УПК Республики Беларусь. Такие изменения были внесены Законом Республики Беларусь от 13 декабря 2011 г. № 325-З. Кроме того, 13 июля 2012 г. был принят Закон «О Следственном комитете Республики Беларусь».

В результате существенным образом были скорректированы полномочия всех органов уголовного преследования.

Анализируя объем полномочий прокурора, нельзя не согласиться с тем, что «в Республике Беларусь, в отличие от большинства постсоветских государств, в целом нашли некую „золотую середину“ при перераспределении полномочий между прокурором и начальником следственного подразделения» [1, с. 269].

Вместе с тем в Российской Федерации полномочия прокурора по осуществлению уголовного преследования и надзору, по мнению многих ученых и практиков, чрезмерно сужены, что подвергается критике [2, с. 73–74; 3, с. 24; 4, с. 24; 5, с. 23; 6, с. 26]. В соответствии с изменениями, внесенными в УПК РФ в 2010 г., прокурор лишен права возбуждать уголовное дело, поручать его расследование дознавателю, следователю, нижестоящему прокурору либо принимать его к своему производству; участвовать в производстве предварительного расследования и в необходимых случаях давать письменные указания о направлении расследования, производстве следственных и иных процессуальных действий либо лично производить отдельные следственные и иные процессуальные действия; отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора, следователя, дознавателя.

Так, В.П. Ануфриев применительно к российскому опыту считает, что «существенное сокращение полномочий прокурора по надзору за исполнением законов органами предварительного следствия... ослабило правозащитный механизм в этой сфере. Это не соответствует ни отечественным правовым традициям, ни зарубежной практике» [7, с. 13].